

КОЛИН
УИЛСОН

COLIN
WILSON

THE MIND PARASITES
THE PHILOSOPHER'S STONE
THE RETURN OF THE LLOIGOR

КОЛИН
УИЛСОН

ПАРАЗИТЫ СОЗНАНИЯ
ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЛОЙТОР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У36

Серия «Мастера фантазии»

Colin Wilson
THE PHILOSOPHER'S STONE
THE MIND PARASITES
THE RETURN OF LLOIGOR

Перевод с английского
А. Шабрина («Философский камень», «Паразиты сознания»)
С. Лихачевой («Возвращение ллойгор»)

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Watson, Little Ltd. и The Marsh Agency Ltd.

Уилсон, Колин.

У36 Паразиты сознания. Философский камень. Возвращение ллойгор : [сборник : перевод с английского] / Колин Уилсон. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 640 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-133162-7

Доктор психологии Вайсман погибает в результате трагического несчастного случая.

Его давний знакомый археолог Остин неожиданно для себя получает в наследство результаты научных работ Вайсмана. Остин в недоумении, однако позже выясняется, что раскопки цивилизации хеттов, которыми занимается Остин в Турции, каким-то образом связаны с работами Вайсмана. Вскоре он начинает подозревать, что смерть Вайсмана не была такой уж случайной. Однако чем и кому могли помешать исследования безобидного психолога?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Colin Wilson, 1967, 1969
© Перевод. А. Шабрин, 2017
© Перевод. С. Лихачева, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Паразиты сознания

Августу Дерлету, подсказавшему идею этой книги

Я должен, прежде чем умру, отыскать какой-нибудь способ высказать то наисущественное, что кроется во мне, — то, о чем прежде я никогда не упоминал; нечто такое, что нельзя назвать ни любовью, ни ненавистью, ни жалостью, ни презрением, но самим дыханьем жизни, неистовым и исходящим из неведь какой дали, привносящим в человеческую жизнь безбрежность и пугающую своим беспристрастием силу, не свойственную людям...

Бертран Рассел.

Письмо Констанции Маллесон, 1918 г.

(цитируется по кн. «Мое философское развитие»,
стр. 261)

Мы не считаем предосудительным посвятить третий том «Кембриджской истории ядерного века» новому изданию этого важного документа, автором которого является профессор Гилберт Остин, — произведения, известного под названием «Паразиты мозга».

Эта книга, совершенно определенно, представляет собой разноплановый документ, составленный из различных работ, магнитофонных записей и стенограмм бесед с профессором Остином. Первое издание, в сравнении с настоящим составляющее по объему лишь половину, вышло в свет вскоре после исчезновения профессора Остина в 2007 году, — до того, как корабль «Паллада» был обнаружен космической экспедицией капитана Рамзея. В основу того издания легли заметки, составленные по просьбе полковника Спенсера, и магнитофонная запись, значащаяся в библиотеке Лондонского университета под индексом «12хм». Повторное издание, вышедшее в 2012 году, включало в себя запись интервью, застенографированного 12 января 2004 года Лесли Первисоном. Наряду с этим туда входил материал из двух статей, написанных Остином для журнала «Хисторикл ревью», и частично его предисловие к книге Карела Вайсмана «Размышление об истории».

Нынешнее издание, сохраняя прежний текст *in toto*¹, включает и совершенно новый материал из так называемого «Каталога Мартинуса», много лет входившего в собственность г-жи Сильвии Остин и хранящегося теперь в Архиве Всемирной Истории. В сносках (в настоящем популярном издании в боль-

¹ в полном объеме (*лат.*).

шинстве опущены) редакцией указаны источники, откуда заимствован тот или иной материал разделов. Помимо этого, здесь приводятся материалы из пока еще неопубликованных «Автобиографических заметок», написанных Остином в 2001 году.

Ни одно из изданий «Паразитов мозга» не может претендовать на звание исчерпывающе полного. В нашу цель входило скомпоновать материал таким образом, чтобы он представлял из себя логически связное повествование. В тех местах, где это было уместно, мы использовали дополнительно фрагменты из философских работ Остина; был привлечен также небольшой отрывок из предисловия к книге «Дань уважения Эдмунду Гуссерлю», изданной Остином и Райхом. Получившееся в результате повествование, по мнению редакции, является как бы подтверждением взглядов, изложенных в книге «Новый взгляд на загадку «Паллады». Однако считаем нужным оговориться: цель редакции была иной. Мы сделали попытку обобщить весь относящийся к делу материал и полагаем, что справедливость этого дерзкого решения проявит себя, когда Северо-Западный университет завершит подготовку к изданию «Полного собрания сочинений Гилберта Остина».

*Г.С., У.П., Колледж Сент-Генри,
Г. Кембридж, 2014 г.*

(Нижеследующая часть приводится дословно с магнитофонной записи, сделанной доктором Остином за несколько месяцев до исчезновения. Подготовлено к печати Х. Ф. Спенсером. Полковник Спенсер возглавляет Архив Всемирной Истории, где хранятся все работы доктора Остина.)

У такой замысловатой истории, каковой является эта, не может быть строгого начала. В равной степени не могу я последовать совету полковника Спенсера «начать сначала и так идти до конца»: история имеет привычку петлять. Самым разумным, пожалуй, будет своими словами рассказать о борьбе с паразитами мозга, а остальное оставить домысливать историкам. Если так, то для меня самого история начинается с 20 декабря 1994 года,

в тот день, когда я возвратился домой с собрания Миддлсексского общества археологов, где выступал с лекцией о древних цивилизациях Малой Азии. Это был во всех отношениях живой и запоминающийся вечер. Ничто не доставляет такого удовольствия, как рассуждать на близкую твоему сердцу тему перед неподдельно внимательной аудиторией. А если добавить к этому еще и обед, после которого нам подали отменный кларет восьмидесятых годов, то тогда сразу станет ясно, что, вставляя ключ в двери своей квартиры на Ковент Гарден, я находился в самом веселом и благодушном расположении духа.

С порога я слышал дребезжание телекрана, но, пока подошел, звонки уже прекратились. Я посмотрел на запоминающее устройство — там значился хамистедский номер; я сразу понял, что это — от Карела Вайсмана. Времени было четверть двенадцатого, хотелось спать — я решил, что перезвоню ему утром; но, уже раздеваясь, с тем чтобы лечь в постель, как-то усуетился. Мы с Вайсманом были друзьями с самых давних пор, и он нередко будил меня среди ночи звонками с просьбой навести те или иные справки в Британском музее (я там бывал едва ли не каждое утро). И вот тут словно какой-то отдаленный сигнал тревоги вселил в меня беспокойство. Я, как был в домашнем халате, подошел к телекрану и набрал номер моего друга. На звонок долгое время никто не отвечал. Я уже собрался было вешать трубку, как тут на экране возникло лицо секретаря Вайсмана. Он спросил:

- Вы уже знаете новость?
- Какую новость? — не понял я.
- Доктор Вайсман умер.

Я был настолько ошарашен, что невольно сел. В конце концов мне удалось кое-как совладать с мыслями, и я выдавил:

- Откуда мне было об этом знать?
- Об этом написано в вечерних газетах.

Я объяснил ему, что только что вошел в дом.

— А-а, тогда ясно, — сказал секретарь. — Я весь вечер пытаюсь до вас дозвониться. Вы не можете подъехать, прямо сейчас?

— Но зачем? Я что, могу быть чем-то полезен? Что с миссис Вайсман, как она себя чувствует?

- У нее шок.

— Но отчего он умер?

— Он покончил с собой, — ответил мне Баумгарт с совершенно бесстрастным выражением на лице.

Помню, в течение нескольких секунд я молча смотрел на него, вытаращив глаза, после чего выкрикнул:

— Что за ахинею вы несете?! Такого быть не может!

— В этом нет ни малейшего сомнения. Прошу вас, приезжайте как можно скорее.

Он потянулся к рычажку, собираясь отключить аппарат. Пребывая в состоянии, близкой к истерике, я завопил:

— Вы что, с ума меня свести хотите?! Говорите, что с ним произошло!

— Он принял яд. Больше я вам, в сущности, ничего сообщить не могу. Но в письме у него сказано, чтобы мы немедленно вышли на вас. Так что приезжайте, очень вас прошу. Мы все здесь крайне измотаны.

Я вызвал аэротакси и погрузился в какое-то дремотное оцепенение, тупо твердя про себя, что этого не может быть. Карела Вайсмана я знал тридцать лет, с тех еще пор, когда мы с ним были студентами Уппсалы. То был человек во всех отношениях замечательный: умнейший, чуткий, уживчивый, в высшей степени собранный и энергичный. Этого я не мог себе представить. Такой человек на самоубийство не пошел бы никогда. Да нет же, я вполне сознавал, что с середины столетия число самоубийств в мире подскочило процентов на пятьдесят и что счеты с жизнью порой сводят люди, от которых подобного шага ожидаешь менее всего. Но услышать, что самоубийство совершил Карел Вайсман, для меня было все равно что услышать, что дважды два — пять. В характере у Карела не было ни атома самоуничтожения. С какой стороны ни возьми, это был, пожалуй, самый собранный, наименее подверженный хандре человек из всех, кого я знал.

«А не убийство ли это?» — пришла в голову внезапная мысль. Не могло ли стать, что он погиб от руки какого-нибудь агента из Центрально-азиатских Держав?

Мне доводилось слышать и не такие вещи; политическое убийство во второй половине восьмидесятых обрело вид точной науки, а насильственная смерть Гаммельмана и Фуллера нагляд-

но доказывала, что и такие донельзя засекреченные ученые ни в коей мере не защищены от расправы. Но Карел был психологом и, насколько мне известно, не был чем-либо связан с правительством. Основной доход ему составляла работа при одной из крупных промышленных корпораций, где он занимался разработкой антистрессовых методик для рабочих поточного производства, а также вопросами, связанными с общей производительностью.

Когда аэротакси опустилось на крышу дома, Баумгарт уже ждал меня. Едва мы остались наедине, как я сразу же спросил:

— Это не могло быть убийство?

— Конечно, — ответил он, — и такую возможность нельзя сбрасывать со счетов, но я думаю, оснований думать об убийстве здесь нет. Сегодня в три часа дня он удалился к себе в кабинет, собираясь работать над рукописью; мне наказал никого не впускать. Окно у него было закрыто. Я следующие два часа провел за столом в приемной. В пять часов супруга понесла в кабинет чай и там наткнулась на мертвое тело. Он оставил письмо, написанное от руки. Яд размешал в стакане воды, воду набрал в туалете из-под крана.

Через полчаса я уже лично убедился, что мой друг действительно наложил на себя руки. Единственное, что еще можно было предположить, это что его убил Баумгарт. Но уж в это-то поверить было никак нельзя. Баумгарт обладал сдержанностью и хладнокровием швейцарца, однако же по нему было видно, что случившееся глубоко его потрясло и он находится на грани нервного срыва. Нет человека, который, содеяв подобное, мог бы при этом достаточно удачно разыграть непричастность. Кроме того, письмо было написано почерком Карела. С той поры как Помрой изобрел аппарат электронного сличения, подделка стала редчайшим из преступлений.

Ту юдоль скорби я покинул в два часа ночи, ни с кем, кроме Баумгарта, не переговорив. От людей мне доводилось слышать, что лицо умершего от цианида ужасно. Таблетки, которые принял Вайсман, лишь сегодня утром были изъяты у какого-то больного-невротика.

Письмо само по себе было странным. В нем не содержалось ни одного горького слова о предстоящем самоуничтожении.

Почерк был зыбким, но слова прописаны разборчиво. В письме оговаривалось, что из имущества должно отойти сыну, что — жене. Указывалось, что надлежит как можно скорее вызвать меня с тем, чтобы я распорядился рукописями его научных работ. Упоминалась причитающаяся мне за это денежная сумма, а также сумма, которая при необходимости должна была пойти на их публикацию. Мне была предоставлена ксерокопия письма (оригинал забрала полиция). В том, что это не подделка, я убедился почти сразу. На следующее утро электронный анализ подтвердил это окончательно.

Да, письмо необычайно странное. Объемом в три страницы, и написано явно в спокойном состоянии. Но зачем он требовал, чтобы со мной связались немедленно? Может, ответ на это содержался в его рукописях? Баумгарт такой вариант предусмотрел и провел за изучением бумаг Вайсмана целый вечер. Он не нашел в них ничего, что могло бы как-то объяснить призыв Карела к спешке. Изрядная часть рукописей имела отношение к работе Вайсмана в «Англо-индийской компьютерной корпорации». Доступ к этим бумагам имели, естественно, и другие сотрудники исследовательского отдела этой фирмы. Остальные составляли различные работы по психологии экзистенциализма, психоаналитическому методу Маслоу и так далее. Был еще почти законченный труд по применению галлюциногенных наркотиков.

И вот в последней упомянутой работе я, похоже, и узрел намек на разгадку. Мы с Карелом, будучи студентами Уппсалы, часто и подолгу обсуждали между собой такие темы, как подоплека смерти, границы человеческого сознания и иже с ними. Я писал дипломную работу по древнеегипетской «Книге мертвых», название которой — *Ру ну перт эм хру* — в дословном переводе означает «Книга исхода ко дню». Меня интересовал сугубо символический образ пресловутой «темной ночи души»; опасностей, что подстерегают отрешенную от тела душу на ее долгом, длиною в ночь пути в Аментет, Царство мертвых. Но Карел настоял, чтобы я взялся изучать еще и тибетскую «Книгу мертвых», похожую на египетскую как вилка на бутылку, и сравнил бы оба эти текста. Любому, кто знаком с этими произведениями, разумеется, ясно, что тибетская книга не имеет ничего общего с манускриптом древних египтян. Я понимал, что сравнивать

их — ненужная трата времени, изощрение в буквоедстве, и только. Но Карел, тем не менее, каким-то образом умудрился вызвать во мне интерес к тибетской книге, и мы с ним потом не раз засиживались допоздна, обсуждая ее содержание.

Добыть в ту пору галлюциногенные наркотики было делом поистине немислимым: после того как Олдос Хаксли написал книгу о том, как испытывал на себе мескалин, галлюциногены шли среди «кайфоманов» нарасхват. Но зато мы открыли для себя статью Рене Домалья, где тот описывал, как однажды провел подобные же опыты с эфиром. Домаль смачивал в эфире носовой платок, который подносил затем к носу. Когда сознание пропадало, рука у Домалья падала, и он быстро приходил в чувство. Домаль пытался живописать свои видения, навеянные эфирным наркозом, и его писания изрядно впечатляли нас и воспламеняли наше воображение. В целом идеи Домалья совпадали с постулатами, которые вот уж столько раз декларировали мистики: хотя он, дескать, и находился «без сознания», будучи под эфирным наркозом, тем не менее у него возникало ощущение, что переживаемое им в минуты забвения было неизмеримо реальнее, чем то, что он испытывает, находясь в сознании. И вот мы с Карелом сошлись во мнении: как бы ни различались наши темпераменты во всем остальном — реальности нашей повседневной жизни присуща некая раздвоенность. Нам стал так понятен старик Чжуань-Цзы, изрекший когда-то, что ему приснилось, будто он бабочка, и чувствовал он это настолько явственно, что не мог определить, то ли он Чжуань-Цзы, во сне мнящий себя бабочкой, то ли он бабочка, мнящая себя Чжуань-Цзы.

На протяжении примерно месяца мы с Карелом усиленно «ставили опыты над сознанием». После рождественских праздников мы решили провести эксперимент: не спать трое суток, держась за счет черного кофе и сигар. Как результат, мы определенно ощутили небывалую интенсивность интеллектуального восприятия. Помнится, я тогда сказал: «Вот бы мне все время так себя ощущать, никакая поэзия была бы не нужна: у меня сейчас видение куда острее, чем у любого поэта». Мы провели также эксперименты с эфиром и четыреххлористым углеродом, но мне они в целом показались менее интересными. Я совершенно явственно испытал чувство какого-то необы-